

ОХОТНИКИ И РЫБОЛОВЫ НИЖНЕГО АМУРА В УСЛОВИЯХ РЫНКА

Сумрак уже опустился на Дудинскую протоку. В тягучей темноте ориентиром мигают красные точки раскуренных сигарет. Плеск воды, скрип уключин, чуть слышен диалог.

- Кто последний?
- За нами вставай.

Лодки, одна за одной, выписав дугу по воде, опять подчаливают в конец «живой очереди». Здесь находятся «рыбные ямы». Рыбаки местные и приезжие комсомольчане браконьерят «по-малому» закидывают и вынимают сети, надеясь поймать – «колючку» (так здесь называют калугу – ценную рыбу семейства осетровых, промысел которой давно и полностью запрещен). Если кому-то повезет, то одна пойманная особь калуги может принести более 10 кг черной икры...

- А вон туда, - рыбаки машут рукой в черноту ночи, - туда лучшие не ходить, там люди серьезные рыбачат.¹

«С низовьев уже идут тревожные сигналы: там, у речных флибустьеров изъято 700 килограммов осетровых, а там весь берег усыпан потрошеной царь-рыбой (охотникам за черной икрой мясо не нужно), с другого места добычу вывозят грузовиками...» («В Амурские закрома не залезешь задарма?» //газ. Тихоокеанская Звезда от 24.05.2000).²

Ульч, 1963 г.р.: «В этом году калуги почти не было. В следующем году ее будет еще меньше. Почему? Приезжие люди стараются богатеть на рыбе. Пришлые ведь не знают где самка, а где самец, поймают оханом*, распорют рыбине брюхо, и если это самец, то выкидывают. По берегам рыба целыми тоннами валяется. Никогда местные не будут так делать».³

* * *

В 2001 г. во время экспедиционной работы в Хабаровском крае мне довелось сотрудничать с коллегой-фотографом из Франции. Как-то после очередной беседы с рыбаками на берегу старинного села Дуди, коллега задумчиво произнесла, глядя на частокполломанной арматуры и остроугольные глазницы разбитых окон заброшенного здания, которое раньше было консервным заводом, одним из самых успешных на Дальнем Востоке: «В моем представлении это напоминает Бейрут после бомбежки. Как же так?! На Западе мы думаем, что перестройка принесла вам свободу, рынок, новые возможности, а здесь я только и слышу, как все развалилось и пришло в упадок после Перестройки». Высказанное недоумение дало толчок многочасовому разговору с дудинскими старожилками об особенностях преломления и отражения большой политики на периферийном пространстве огромной страны.

После начала перестройки, трансформации политической и экономической системы прошло уже более 10 лет. Жизнь в центрах и регионах претерпела большие изменения, жители мегаполисов уже привыкли к западного вида офисам, огромным ангарами гипермаркетов и уютным кофейнями с услугами беспроводного интернета, предлагаемого в до-

*Охан - сеть с крупной ячейкой

Система жизнеобеспечения народов Нижнего Амура

бавление к булочкам и сэндвичам. А каковы достижения «рыночной экономики» в маленьких селах, разбросанных по Амуру, например таких как с. Дуди? В каком виде пришли сюда реформы, и как изменили новые веяния жизнь коренных народов Хабаровского края? Есть ли специфика их адаптации/дезадаптации в новых условиях по сравнению с местным некоренным большинством? Надеюсь, что использование методов этнологического интервьюирования даст уникальную возможность рассмотреть и проанализировать особенности реальной хозяйственной практики коренных народов Приамурья и получить более рельефное представление о том, какие изменения претерпела система жизнеобеспечения аборигенов Севера в постсоветскую эпоху и то, как происшедшие трансформации повлияли на содержание их жизни в самых различных ее проявлениях. В основу статьи легли полевые и статистические материалы, данные краевой печати, собранные автором в 1997-2002 гг. в Ульчском районе Хабаровского края.

Ульчский район расположен в бассейне Нижнего Амура. Согласно Постановлению главы администрации Хабаровского края № 252 от 11.05.1994 «Об определении территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера», 46% всей территории Ульчского района (1821 тыс. га) имеют статус территорий традиционного природопользования коренных народов Севера. Представители Ассоциации коренных малочисленных народов Севера Ульчского района отметили этот факт, как важное достижение Ассоциации за годы реформ. Рассмотрим более подробно каким образом осуществлялось традиционное природопользование в районе Нижнего Амура в конце 20 – начале 21 вв., какова была его специфика? Для начала представим данные по занятости коренного населения Ульчского района в различных отраслях народного хозяйства. В 2003 году здесь было зарегистрировано 2269 трудоспособных человек из числа коренных народов Севера. То, что наибольшее число занятых приходилось на работников здравоохранения – 131 человек, и образования – 127 человек, вполне понятно. Данная ситуация объясняется прежде всего политикой государства в советское время, когда существовали специальные направления и льготы для представителей коренных народов Севера при поступлении в медицинские и педагогические учебные заведения.

Лесная промышленность занимает третье место в структуре занятости коренного населения, опережая рыбную промышленность (соответственно 114 человек в лесной и 108 в рыбной промышленности). Меньшая занятость в рыбной промышленности объясняется тем, что рыболовство в большинстве случаев дает лишь сезонную занятость и доход (в основном во время летней и осенней путины), тогда как лесная обеспечивает круглогодичную занятость. Леспромхозы могли бы стать одним из вариантов трудоустройства коренного населения в районе, однако, несмотря на возможность получения более или менее

стабильных заработков, для части ульчей и нанайцев среднего и старшего возраста внутренний комфорт оказался дороже относительного материального благополучия. Ульч 1957 г.р. из с. Булава в своем интервью выразил свое отношение по этому поводу:

*«Когда я вернулся из города в село, то устроился на работу в леспромхоз, однако долго там работать не смог. Душа не лежала валить лес. Я когда видел, что наши сопки остаются после этого голыми, так весь мурашками покрывался - до чего это страшное зрелище! Я ушел оттуда, не выдержав и года».*⁴

Возможно, если бы наряду с лесозаготовительными работами, лесовосстановительные работы шли столь же активно, данное противоречие было бы не столь острым.

Далее отметим, что в жилищно-коммунальном хозяйстве было занято 91 человек, в государственных учреждениях – 70, в учреждениях культуры – 48, в торговле- 44, в других отраслях – 84 человека.

Обратимся к анализу состояния традиционных для коренных народов Нижнего Амура отраслей – рыболовству и охоте.

Рыболовство

Рыболовство являлось важнейшей основой системы жизнеобеспечения аборигенных народов, живших в районе Нижнего Амура. Рыба была главным источником питания, из рыбьей кожи изготавливали необходимую для удачного промысла непромокаемую одежду, рыба и икра шли на продажу и обмен. С активным заселением русскими Дальнего Востока рыболовство приобрело новое значение. А.В. Смоляк отмечает: «В 1900-х годах многие нивхи, ульчи и даже нанайцы ежегодно в разгар путины уезжали на Лиман, где нанимались на работу ловцами на рыбозаводах. Основная масса рыбаков, конечно, занималась промыслом на своих старых местах, но близ селений нивхов и ульчей возникали засольные участки, владельцы которых старались скупить у местных жителей как можно больше рыбы, которая становилась товаром».⁵ Исследования сельскохозяйственной переписи конца 1920-х годов красноречиво показывают, что уже в то время рыболовство (особенно заготовка осенней кеты) имело важное товарное значение в структуре хозяйства коренного населения. Данные вышеназванной работы, указывают на то, что «благодаря особенностям структуры туземных хозяйств, они имели даже более высокую товарность продукции, чем нетуземные хозяйства. По крестьянским бюджетам Николаевского округа русские хозяйства реализуют на рынке 45% всей продукции, туземное же – 50%. Причины этого явления лежат в высоком удельном весе малотоварной в условиях низовьев Амура продукции сельского хозяйства в русских хозяйствах и высоком удельном весе продукции охоты <...> и рыболовства»⁶ в аборигенных хозяйствах. По результатам этой переписи сообщается, что в 1927-1928 гг. из общего количества выловленной туземным населением

Система жизнеобеспечения народов Нижнего Амура

кеты, всего 18,7% улова (141 тысяча рыб) было оставлено для личного потребления и для корма собак, остальное пошло на продажу.⁷ Проблемы переходного к рынку этапа были актуальны и активно обсуждались в 20-х гг. XX века. Уже тогда отмечалось, что «киты туземного хозяйства низовьев Амура – охота, рыболовство, оленеводство – истощаются. Запреты на ценных зверей вследствие уменьшения запасов пушного и мясного зверя, истощение рыбных богатств и нормирование лова, падение оленеводства – заставляют туземцев, помимо изменения техники и организации существующих промыслов, развивать новые отрасли хозяйственной деятельности: увеличивается посевная площадь и количество домашних животных, крупного рогатого скота, большое значение получили заготовки сена, извоз, работа на лесных заготовках и работа по найму, - все это в корне меняет строение туземного хозяйства».⁸

В 1990-х годах катастрофическое состояние рыболовства на Нижнем Амуре стало очевидно для всех. Ученые и общественность забили тревогу. Отметим, однако, что сокращение рыбных запасов на Амуре началось не вчера. Активный деятель Приамурского отделения РГО, профессор ДВГУ Н.А. Крюков обследовал состояние рыболовства в крае и уже в 1892 году высказал мысль о необходимости рыбоохранных мероприятий. Данные свидетельствуют о том, что уловы на Амуре сокращались на всем протяжении XX века. Так, уловы калуги по данным 1894 г. доходили до 600 т, в 1936-37 гг. они не превышали 100 т, а в 1980-1990 гг. вылов сократился до 60-70 т.⁹ Падали и уловы лосося: в 60-е годы 20 века объём годового вылова составлял 20 тыс. т, в 80-е годы – 5 тыс. т, в 2000 г. – 3,1 тыс. т.¹⁰ Пример Ульчского района показывает, что только в 1997 г. (по сравнению с 1996 г.) уловы упали на 36%.¹¹ Исследования Хабаровского филиала Института рыболовства и океанографии (ХФ ТИНРО) подтверждают, что численность стада осенней кеты постоянно сокращается. Одним из важнейших факторов, обусловивших значительное снижение рыбодобычи, был признан «хронический» перевылов. Руководство Хабаровского края пыталось решить эту проблему ограничением разрешенного лова. Так в 2000 г. в Хабаровском крае был разрешен только вылов по квотам для коренных народов Севера, научный лов, и в очень малом количестве лицензионный лов. Смогло ли улучшить данное решение положение в рыболовстве? Что думают о сложившейся ситуации, как реагируют на нее и в каком свете видят перспективы развития рыболовства коренные жители Нижнего Амура?

В 1999 г. в Ульчском районе рыбодобычей занимались 4 колхоза и 13 национальных предприятий и родовых общин. Хабаровским Институтым рыбного хозяйства ведется учет и выдача разрешений (лимитов) на отлов рыбы в бассейне Амура. В Ульчском районе официально разрешенный тоннаж вылова достаточно сильно сокращен в последние годы,

однако местные специалисты не уверены, что подобные меры принесут желаемый результат – стабилизации и увеличения численности проходных лососевых рыб. Один из руководителей производственного процесса колхоза «60 лет октября» (с. Булава, Ульчский район) на встрече, проводимой с представителями «Циркумпольной конференции» высказал мнение, что *«сокращение лимитов на вылов осенней кеты для колхоза необоснованно, и к положительному результату (в смысле сохранности лососевых) не приведут, - далее он обратил внимание, - что высвобожденные лимиты просто перераспределяются по коммерческим организациям, занимающимся рыбной ловлей»*.¹²

Амур.. Сентябрь. Осенняя кетовая путина. Помимо частников – представителей коренных народов Нижнего Амура: ульчей, нанайцев, нивхов и негидальцев, которые заняты лимитным ловом для обеспечения себя рыбой, рыбачат и остальные жители поселка. Помимо них рыбодобычей занимаются официально зарегистрированные общины кмнс, фермерские хозяйства, колхозы. Некоторые рыболовные места (тони) выделены предприятиям, имеющим «прописку» вверх по Амуру (в Хабаровском, Нанайском, Амурском районах). Но главное, то, что сюда – в низовья Амура из года в год приезжают и обосновываются группировки «рыбной мафии», устанавливая здесь свои порядки.

«Сообщение об этом событии не потрясет мировую общественность, как ближневосточный конфликт, хотя масштаб наглости происшедшего впечатляет. 4 октября в 21 час [2000 г.] к дебаркадеру у поселка Сусанино Ульчского района подплыло более десяти моторных лодок. Из них «бойцы» открыли шквальный ружейный огонь по причалу. Нападавшие палили по лодкам «Амуррыбвода» и РУБОПа (РУБОП - Российское Управление по борьбе с организованной преступностью – Н.М.) , а вместе с ними затопили лодку сторожа дебаркадера, две лодки Госсвязьнадзора и других случайных жертв».¹³

Следом за браконьерами приезжают многочисленные представители рыбоинспекции и силовых структур различного уровня, все вместе они зачастую образуют своего рода симбиоз, где в хитросплетении криминальных взаимоотношений становится затруднительно понять - кто кому является прикрытием? Газеты Хабаровского края, пестрят полудетективными историями, отражающими ход очередной путины:

«Коррупция в милицеских рядах и деятельность воровского “общака” тесно переплелись в этом денежном бизнесе. Так, ночью на одной из трасс был остановлен джип, в котором находился мужчина 40 лет, представившийся работником Хабаровской прокуратуры. Ему не поверили, но служебное удостоверение оказалось подлинным. Кстати, сопровождали его сотрудники ГИБДД. Помимо этого был остановлен и а/м ГАЗ-66, за рулем которого находился офицер ГИБДД. При досмотре было обнаружено почти три тонны осетровых, принадлежащие, как выяснилось, прокурорскому работнику, а в городе

*Система жизнеобеспечения народов Нижнего Амура сыщики обнаружили потом еще 12 тонн рыбы. И это не единичный случай задержания сотрудников правоохранных структур. В частности был задержан еще и майор милиции из Богородского, работающий старшим экспертом-криминалистом. В прошлом году во время рейда оперативники ФСБ задержали майора милиции из Комсомольска-на-Амуре. Он на катере, оснащенном всеми орудиями для осетровой рыбалки, якобы охранял рыболовецкий колхоз. Тогда же были задержаны двое сотрудников правоохранных органов с 120 осетрами, 70 литрами черной икры и пятью сетями».*¹⁴

К середине 1990-х годов, в процессе перехода к рыночной экономике, градообразующие заводы Приамурья или остановились, или обанкротились в результате чего тысячи жителей гг. Амурска и Комсомольска-на-Амуре оказались без средств к существованию. В данной критической ситуации участие в рыбном бизнесе давало возможность достаточно быстрого заработка. Период браконьерского хаоса со временем структурировался, путем внутренних разборок и люди, и «зоны влияния» на Нижнем Амуре были распределены. Комсомольск-на-Амуре последние десять лет имеет неофициальный статус криминальной столицы Дальнего Востока. Специфика организованной преступности в Хабаровском крае является результатом предшествующего социально-экономического, демографического и культурного развития региона. В частности на Дальний Восток из центральной части России ссылались не только инакомыслящие и неудобные режиму деятели, но и преступники. Контингент многочисленных исправительно-трудовых колоний активно привлекался в качестве рабочей силы на «стройки века». Освободившимся лицам с «темным прошлым» часто было запрещено селиться в центральных районах России, и они оседали здесь же, в городах и селах Дальнего Востока. Высокая концентрация лиц с уголовным прошлым приводила к тому, что взаимоотношения зоны, «правила поведения» превносились в жизнь городских кварталов и сел. Жители старинного ульчского села Булава рассказывают о том, что их жизнь значительно изменилась, когда, в 1970-х годах, к ним привезли освобожденных из-под стражи новопоселенцев, и был создан поселок леспромхоза. Несмотря на то, что новый поселок наследовал название ульчского села, до сих пор две части поселка территориально, этнически, и психологически неофициально делятся на новую и старую Булаву.

Естественно, предположить что ажиотаж, царящий вокруг добычи рыбы и особенно заготовки икры, так или иначе (в качестве очевидцев или участников), втягивает в свою орбиту и аборигенное население. Существуют негласные правила. Вылов рыбы для еды и для бартерного обмена в установленном месте не влечет за собой криминальных разборок. Однако, если рыба ловится на продажу, то при поиске каналов сбыта встает вопрос о «крыше», то есть включении в систему нелегального оборота рыбной продукции. В 1999

г. давлению со стороны группировок, контролирующих рыбный рынок подвергались и наиболее успешные фермерские хозяйства коренных народов, хотя они, как зарегистрированные предприятия, имели возможность официального сбыта улова. Криминальные лица из Комсомольска-на-Амуре настаивали на том, чтобы аборигенные хозяйства стали официальным прикрытием во время незаконного кетового и осетрового лова. Таким образом, отметим, что именно в низовьях Амура, где сконцентрированы основные запасы ценных рыб, коренное и местное население оказалось под наибольшим давлением криминальных структур.

«При полном отсутствии работы на местах, слабом снабжении продуктами и топливом рыбный промысел становится единственным источником дохода. За продукты питания, спирт, водку или небольшие деньги в кабалу к криминалу уходят целые села и поселки. Особенно это развито среди коренных народов Севера. Получив товары на зиму, они обещают летом вернуть рыбой, которую сами добывают и перерабатывают.<...>А в этом году ситуация в связи с запретом на осеннюю кету вообще доходила до абсурда. Квоты на лов получили только аборигены. После этого местные власти стали выдавать липовые справки скупщикам рыбы о том, что они приобрели «хвосты» у малых народов в обмен на деньги или продукты. Причем такие документы наводнили весь Нижний Амур. По оценкам экспертов, количество рыбы по этим липовым справкам намного превышает обозначенные квоты для коренного населения края в десятки раз.». (Пимин А. На реку вышли опера – их расстреляли катера.// Газ. Тихоокеанская Звезда, Хабаровск. 20 октября 2000 г.)¹⁵

Контроль над рыбным бизнесом обернулся осуществлением контроля социальной жизни сел низовья Амура. Что такое хабаровский и комсомольский «общак», хорошо известно всем жителям Дальневосточного региона, жители сел Ульчского района знают это не понаслышке. (Воровской общак – структура, созданная и поддерживаемая ворами в законе. Обычно «общак» имеет центр со многими отделениями. В каждом регионе есть «ответственные» с функциями контроля, у которых имеются свои подчиненные. Все члены общака отчисляют в него часть прибыли и получают его покровительство).

«Сегодня Тахта – одна из деревень, где люди живут только рыбалкой. Но если раньше ловили осетра себе на прокорм, то сегодня работают на “комсомольского дядю”. Так, тахтинцы с горечью рассказали о том, что вот уже три года всю деревню “напрягает” комсомольский “общак”. Доходит до того, что у них отбирают жилье, в котором селятся откомандированные “общаком” на промысел гастролеры и боевики. Живут они здесь лето и осень – ведь за осетром начинается ход лососевых. Весь берег занят “общаковскими” лодками, выкрашенными в зеленый цвет, за что они уже получили от местных

*Система жизнеобеспечения народов Нижнего Амура прозвище - “зеленые”. У «зеленых» все организовано на уровне. Есть специальные бригады, в которых местные жители отрабатывают долги «общаку», есть свои специалисты по сбыту».*¹⁶

Деятели «общака» активно вовлекают к себе молодежь из числа коренного населения пребывающую в состоянии статусно-возрастного и культурного перепутья. Потребность в благах цивилизации (машине, DVD-плеере, компьютере) у молодых людей из Амурских сел почти такая же как и у городских сверстников, а возможности их приобретения гораздо ограниченнее, особенно в малых селах, где уровень безработицы чрезвычайно высок. За годы перестройки безработица приобрела «хронический» характер, а для части молодежи стала своего рода образом жизни. На 1 сентября 1998 г. на одно вакантное место в Ульчском районе претендовало 432 безработных (всего по Хабаровскому краю было соответственно 7 безработных на место). Удельный вес безработных находящихся без работы более года, на начало 1998 года составил 62,2 % и увеличился за год в 1,6 раза. Удельный вес хронической безработицы составил 49,5% - то есть практически каждый второй безработный в районе не мог найти подходящую работу более года.¹⁷

При отсутствии другого заработка, добыча рыбы легальным образом может обеспечить лишь самые минимальные потребности семьи в питании, тогда как для соответствия усредненному образу жизни окружающего общества в целом необходимо гораздо больше. Посмотрим, каким образом рыболовство обеспечивает потребности семьи?

По сообщениям наших информантов, семье необходимо заготовить как минимум 2 бочки осенней кеты, одна из которых обычно солится для внутрисемейного употребления в пищу, а другая на продажу или обмен. Официально разрешенные лимиты для отлова осенней кеты варьируют из года в год и составляют приблизительно от 24 до 50 кг на одного человека (примерно 4-7 рыб). Выделенная норма зависит от района отлова и от плотности прохода стад осенней кеты. Многочисленные опросы показали, что для коренного населения в настоящее время минимально-достаточным считается засолить около 100 штук кеты на семью из 4 человек (для тех, кто не делает из рыбалки бизнеса). Рыба идет на обеспечение самых необходимых нужд семьи, однако, это вовсе не означает, что она употребляется только в пищу. На Амуре рыба является универсальным эквивалентом, своеобразной валютой при обмене. На рыбу можно выменять муку, сахар, масло, комбикорм, бензин, необходимые промтовары. Закупочные цены и условия обмена варьируются в зависимости от местонахождения села, и в соответствии от имеющейся альтернативы выбора. В 2000 г. в с. Кольчом Ульчского района приехали коммерсанты для бартерного обмена рыбы на товары. Они меняли: 1 кг кеты на 1 пачку китайского сублимированного супа-лапши; 20 кетин (летних) на 1 мешок соли или сахара; 12 кетин на 1 мешок муки.

(Отметим, что с. Кольчом стоит на протоке в стороне от дорог и водных и сухопутных. Село мононациональное и большинство его жителей являются безработными). Рыба является своеобразным платежным средством также и при получении определенных услуг. Летом 2000 г. в том же с. Кольчом Ульчского района зубные техники из г. Комсомольск-на-Амуре брали плату за удаление и лечение зубов красной икрой. Рыбой и икрой часто оплачивается проезд, починка печки или крыши дома, сдача экзаменов студентами-заочниками в Институтах и колледжах г. Хабаровска. Так называемые «хвосты» являются всеми понятным и общепринятым эквивалентом услуг. В селах, расположенных на Амуре пункты приема икры устраиваются прямо на берегу. В 2000 году в Ульчском районе была задержана группа китайцев, которая организовала там прием и подпольную переработку икры. Естественно, что часть коренного населения воспользовалось этой возможностью заработка.¹⁸ В 2000 году черная икра сырец стоила от 200 до 400 рублей за кг (в 2004 году – 600 руб.). Как шутят местные жители: *«у нас на столе икры нет, так как на Амуре деньги не едят»*. В этой шутке, действительно, есть лишь доля шутки. Для многих семей продажа черной икры является чуть ли не единственным способом пополнить бюджет семьи наличными деньгами. Зато, как указано в предисловии к данной статье, коренное население использует абсолютно всю пойманную рыбу полностью. Браконьеры же, стремясь соблюсти мобильность, не обременяют себя тоннами рыбьего мяса и зачастую бросают туши на берегу (нонсенс, в который трудно поверить!).

Стоит отметить, что коренные народы низовьев Амура по сути являются невольными заложниками ситуации, которую они не в силах изменить. Борьбу с организованным рыбным браконьерством призван вести «Амуррыбвод». Однако размеры браконьерства и коррупции столь значительны, что собственными силами инспектора «Амуррыбвода» контролировать положение не в состоянии. Корреспондент хабаровской газеты «Тихоокеанская Звезда» процитировал слова одного из рыбинспекторов: «Было бы у меня две жизни, я бы еще ходил в ночные рейды, но она у меня одна».¹⁹ В 2002 году на Амуре была развернута крупномасштабная операция «Блокпост-Амур», в которой приняли участие сотрудники главного управления собственной безопасности МВД России, ФСБ, СОБРа и других силовых структур. За месяц работы ими было конфисковано 20 тонн икры, 240 тонн лососевых и осетровых, изъято 90 километров сетей, 30 катеров и лодок.²⁰ Браконьерские группы очень хорошо оснащены – имеют быстроходные водометные катера, оружие, спутниковые телефоны и даже приборы ночного видения. Помимо этого их сопровождают плавучие рефрижераторы, а на берегу имеются цеха переработки с тарой и техникой. Во время осенней путины 2001 года рыбаки - ульчи делились своими мыслями по поводу создавшейся ситуации на Амуре:

«Старики нам рассказывали, что муксуны раньше прыгали в лодку сами, а мы будем своим детям рассказывать, как кету сетками ловили. Через 10 лет за осенней кетой придется ехать в Николаевский район, а еще через 30 лет, если все так же пойдет, то совсем ничего не останется. Видите, рыбное стадо совсем снулое стало. Раньше рыба так трепыхалась, аж сетку рвала, а сейчас ткнется носом в сетку и замирает, совсем неживая. Жалко ее конечно, но даже если мы себя наизнанку вывернем и не будем рыбачить, чтобы дать ей проход, то это ситуацию к лучшему, к сожалению, не изменит. Посмотрите, оглянитесь вокруг! Здесь ведь под каждым кустом табора со всей России с такой техникой стоят, что где уж нашим латаным моторам, и сеткам. То, что мы отпустим, не поймем, они тут же вычерпают, не задумываясь ни на минуту. Вот так мы и живем, себя корёжим и рубим сук, на котором сидим».²¹

Процитированное высказывание говорит о том, что традиционная «договорная схема ответственности» между человеком и природой не работает в условиях одновременного и остроконкурентного давления на природные ресурсы разными пользователями. Однако отметим, что даже тогда, когда самоограничения на промысле, выраженные в табу и правилах экологической этики, направленной на поддержание природного баланса становятся не актуальны, отношения между людьми по поводу производственного процесса и отношение к промыслу в целом все еще важны для поддержания групповой идентичности.

Осенняя кетовая путина является для коренных народов Нижнего Амура высшей точкой проявления всех сущностей их основного и любимого занятия – рыболовства. Короткий срок осеннего хода кеты представляет собой наиболее емкий и ответственный период годового цикла амурских рыбаков. За это время они должны заготовить такое количество рыбы, которое способно обеспечить их семьям необходимый прожиточный минимум.²² Для нанайцев и ульчей (особенно для мужчин) осенняя путина – это еще и квинтэссенция жизни, когда каждый миг важен, значим, наполнен событиями, когда нет мелочей, и каждый может показать, на что способен. Это работа на пределе возможностей и праздник одновременно. К кетовой рыбалке готовятся заранее: чинят и проверяют сети, запасаются бензином, договариваются о сотрудничестве (на лове обычно работают попарно – один человек гребет, второй кидает сеть, слаженность физическая и психическая такого тандема очень важна). Во время путины спят по 2-3 часа в течение дня (рыбу надо не только выловить и отвезти в поселок, успеть быстро обработать, на это время прекращают пить (пьяные на кетовой рыбалке вызывают раздражение: «совсем непутевые, не могли неделю потерпеть»). Ради кетовой рыбалки

парни и мужчины отказываются от заграничных гастролей, отпрашиваются и сбегают из армии, увольняются с работы и отчисляются из учебных учреждений (если руководство не идет навстречу и не дает им на это время краткосрочный отпуск). Об этом красноречиво говорят многочисленные интервью. Вот лишь два высказывания по этому поводу:

Ульч, 1952 г.р.: *«Подался я в город, а сам мыслями был здесь, на Амуре. Набирал отгулы, и все свободное время проводил здесь. Кетовая рыбалка – это закон. Я когда на какую-нибудь работу устраивался, то предупреждал, сентябрь месяц – это мой. В это время, чтобы меня ничем не занимали. Если я не порыбачу, то я - болею, я даже из армии и то на кетовую убежал – отпрашивался».*²³

Ульч, 1957 г.р., *«Я в колхозе работал рыбаком, поработал, потом поехал поступать в лесотехнекум. Поступил. Должен был поехать к началу учебы в Хабаровск, а тут - рыбалка! В сентябре же самая путина начинается. Какая же душа ульча выдержит - взять и уехать в это время?! Ну, я подумал – ничего страшного, что чуть-чуть задержусь. Приезжаю, а мне документы возвращают и говорят: "До свидания". Вот такая вышла история».*²⁴

Данные суждения, как мне кажется, высвечивают основные различия в отношении к этому виду промысла у коренного населения и у пришлого. Приезжие бизнесмены относятся к рыбалке как к выгодному коммерческому предприятию. Для коренных народов участие в рыбалке (и особенно в кетовой путине) помимо важности экономической составляющей, дает возможность проявить лучшие качества как на уровне личности, так и социума. Даже пришлое население, неадекватно воспринимающее свою «исключительность», признает, что в самых трудных погодных условиях и напряженном ритме работы аборигенные народы гораздо лучше могут проявить свое природное мастерство рыбака. До сих пор для многих нанайцев и ульчей рыба – это нечто гораздо большее, чем просто бесплатный ресурс, который надо освоить, чтобы получить выгоду. Отправляясь в ночь, в грозу проверять сетки, молодой мужчина, нанайец на мой вопрос о целесообразности делать это именно в тот момент, ответил: *«Рыба ведь не виновата, что дождь; раз я сетки поставил, то как же можно дать ей там пропадать?».*²⁵

Интересно отметить и изменение значения различных промыслов. А.В. Смоляк отмечает, что в начале XX в. на Нижнем Амуре зимний рыболовный промысел не играл существенной роли в хозяйстве, потому что «как правило, трудоспособные мужчины в начале зимы уходили на промысел в тайгу, рыбу добывали старики, женщины и дети».²⁶ В 1990-х годах XX века положение было уже иным. Охота потеряла то значение, какое она имела в первой половине столетия. В настоящее время в зимней рыбалке существенным счита-

ется то, что с начала ноября по январь вода в Амуре относительно чистая (без ярко выраженного запаха фенола) и именно этот сезон подледной рыбалки является ценным для ловли чистой рыбы для внутреннего потребления, а не только на продажу. Строганина, рыбные пельмени и котлеты постоянно присутствуют в зимнем меню местных жителей. Зимой в низовьях лед Амура буквально утыкан ветками и проволочками, обозначающими края лунок с сетками. Неизменным осталось то, что подледная рыбалка по-прежнему пользуется огромной популярностью среди женщин и подростков коренных народов Нижнего Амура.

Охота

Кроме рыбной ловли, охота также играла в прошлом существенную роль в жизнеобеспечении народов Нижнего Амура. Переход к денежной торговле расширил рынок сбыта пушнины в конце 19 века. Уже в то время среди охотников были и аборигенные жители Амура и обосновавшееся здесь русское население. В погоне за дополнительной выгодой менялись и методы охоты – копытных стали добывать интенсивно в течение всего года, кроме этого во время охоты начали использовать изгороди в сочетании с ямами, применять стрихнин.²⁷ Дальнейшее заселение русскими Приамурья в конце 19 века значительно повлияло на занятость в охотпромысле коренного населения. С одной стороны, пришлое население активно включилось в пушную охоту, что привело к сокращению популяции зверей (особенно соболя), а с другой стороны в связи с возникновением многих русских поселений отходничество стало популярной альтернативой охоты среди коренных жителей Низовьев Амура. А.В. Смоляк указывает на то, что к началу XX века «многие нивхи и ульчи зимой уже не занимались таежным промыслом – добычей пушных зверей, но нанимались к русским работать ямщиками, другие возили грузы и пассажиров на собачьих упряжках (а затем на лошадях). Нанимаясь к русским подрядчикам, заготавливали дрова для пароходов, сено. Более состоятельные сами приобретали лошадей, брали подряды на перевозки грузов, почты, нанимая возчиков из коренных жителей и русских победнее».²⁸ Специалисты по охотпромыслу указывают, что в 1930-е годы ареал распространения соболя сократился, соответственно сократился объем заготовок шкурок по Приамурью: в 1933 г. – 2862 штуки, в 1934 г. – 2276 штук, в 1935 г. – 691 штука. В 1935 году был объявлен всесоюзный пятилетний запрет охоты на соболя.²⁹ После упадка охотпромысла в 1940-е и начале 1950-х гг., который связывают с уменьшением числа квалифицированных работников и ухудшением транспортных возможностей, с 1960-х годов наблюдается увеличение добычи пушных зверей.

В настоящее время в Ульчском районе практически нет профессиональных охотников из числа коренного населения, охотой занимаются лишь охотники-любители. Для это-

го есть несколько причин, одна из основных - состояние биоресурсов.³⁰ Например, в лесах Ульчского района (по данным Ульчского лесхоза) в 1998 г. было зарегистрировано 147 очагов пожара. На корню сгорело 28 741 909 м³ древесины.³¹ По экономическим и экологическим последствиям прошедшие в 1998 г. лесные пожары были определены как федеральная чрезвычайная ситуация. Пожары оказали резко негативное влияние на всё состояние биосистемы региона. Некоторые охотучастки целиком представляют собой свежие горельники, то есть выжженную пустыню, где представители дикой фауны поселятся лишь спустя годы. В доступной близости к населенным пунктам зверей не осталось, спасшиеся от пожаров представители звери ушли далеко вглубь тайги на границу района. Таким образом, еще одна причина падения значения охоты в том, что добраться до отдаленных угодий коренное население не в состоянии, так как не обладает необходимыми для этого техническими и финансовыми средствами.

Ульч, 1928 г.р., знаток родной культуры и старый потомственный охотник, рассказал: *«На охоту мы теперь не ходим, а чего там охотиться? Уже нет зверей-то. У меня раньше всегда и зимой и летом мясо было. А сейчас и ехать не на чем. Раньше в тайгу ходили на сохатого. Всей родне по кусочку, по кусочку раздадут, и себе чуть-чуть оставят. Потом опять добывают.*

*Ульчей уже нет профессиональных охотников. Нужно специально себе лицензию брать, угодья брать. Тумали ведь раньше охотником был, но ведь угодья вон какие дальние предоставляют, а как он туда доберется?».*³²

В 2001 г. распределение лицензий для охотников-любителей на отстрел крупных животных (лося, медведя) являлось своеобразным индикатором социально-иерархических отношений в обществе. Охотобщество имеет определенное ограниченное количество лицензий. По словам информаторов официальное разрешение на отстрел крупного зверя (лося или медведя) реально получить только лицам, так или иначе приближенным к руководству. Остальные, побывав несколько лет в очереди за официальной лицензией, нарушают закон – браконьерничают.³³ Данная ситуация сказывается на изменении традиций взаимопомощи и обмена, которые всегда были важнейшими адаптационными механизмами у народов Амура.

*«Раньше, когда разделявали добытого лося, то тушу обязательно делили на всех. Всем родственникам и соседям надо было дать по куску, причём лучшие части отдавали чужим, а теперь у нас, лося как завалят, то едят втихушку, боятся, что кто-то “накапает”».*³⁴

М.В. Рагулина справедливо замечает, что «нарушение веками соблюдавшихся норм влечет не только распад системообразующих связей общины, но и деструкцию, прежде

Ограничение традиционной хозяйственной деятельности оказывает влияние и на деформацию сакрального пространства. Одна из немногих оставшихся в живых ульчских шаманок, 1914 г.р., посетовала в разговоре, что скоро шаманов совсем не останется. Вот и от нее духи начали уходить:

*«Чтобы шаманить, надо духов кормить, давать им сохатиное сердце, свежую кровь, а где же их сейчас возьмешь? Никто не приносит, не делится, а духам так не интересно».*³⁶

В заключении отметим, что изменение образа жизни, особенностей экономического развития – явления не новые особенно для северных регионов, развитие которых всегда зависело от общих тенденций развития России. Развал государственной колхозно-совхозной системы на фоне общего экономического кризиса в стране привел к массовой безработице коренных народов Нижнего Амура особенно в малых селах. В данной ситуации рыболовство, как и век назад, является главным занятием нанайцев и ульчей. Однако, в условиях складывающейся рыночной экономики изменилась структура и назначение традиционной хозяйственной деятельности: она все чаще переходит на коммерческий уровень. Аборигены Нижнего Амура являются далеко не единственными пользователями природных ресурсов края и вынуждены адаптироваться к реалиям складывающихся рыночных отношений в России, что зачастую приводит к экстенсивному природопользованию. Принимая во внимание то, что составляющие этноэкосистемы объединены между собой множеством связей, можно с уверенностью предположить, что экстенсивное природопользование порождает не только экономические, но и многочисленные социальные и нравственные проблемы.

¹ Калуга (*huso dauricus*) - уникальная рыба семейства осетровых Калуга может иметь длину 1,50 – до 6 м и вес 100-300, редкие особи 500 и более кг.

² <http://toz.khv.ru/template.php3?row=5&date=05-24-2000>

³ ПМА, Хабаровский край, Ульчский район, с. Булава, 2000.

⁴ Полевые материалы автора (далее – ПМА), Хабаровский край, Ульчский район, с. Булава, 1999 г.

⁵ Смоляк А.В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. Середина XIX-начало XX в. М., 1975. С. 175.

⁶ Туземное хозяйство низовьев Амура в 1927-28 гг. (По материалам обследования 1928 г.) Изд. Дальхотсоюза и Далькрайсоюза. Хабаровск-Благовещенск, 1929. С. 132.

⁷ Туземное хозяйство низовьев Амура в 1927-28 гг. (По материалам обследования 1928 г.) Изд. Дальхотсоюза и Далькрайсоюза. Хабаровск-Благовещенск, 1929. С. 122.

⁸ Туземное хозяйство низовьев Амура в 1927-28 гг. (По материалам обследования 1928 г.) Изд. Дальхотсоюза и Далькрайсоюза. Хабаровск-Благовещенск, 1929. С. 136.

- ⁹ Энциклопедия Хабаровского края и Еврейской автономной области. Хабаровск. 1995. С. 127.
- ¹⁰ Быстрицкий С.В. Традиционное природопользование на Нижнем Амуре. Хабаровск, 2000. С. 19.
- ¹¹ газ. «Амурский маяк», 01.07.99
- ¹² ПМА, Хабаровский край, Ульчский район, с. Булава, 2000.
- ¹³ Пимин А. На реку вышли опера – их расстреляли катера.// Газ. Тихоокеанская звезда, Хабаровск. 20 октября 2000 г. Цит. по: <http://www.toz.khv.ru>
- ¹⁴ Цит. по: [www](http://www.toz.khv.ru) <http://crime.vl.ru/docs/obzor/0601.htm>.
- ¹⁵ Цит. по: <http://www.toz.khv.ru>
- ¹⁶ Пимин А. У черной икры красная крыша.//газ. Тихоокеанская Звезда. Хабаровск, 5 июня 2001. Цит. по : <http://www.toz.khv.ru>
- ¹⁷ Основные направления социально-экономического развития Ульчского района на период до 2005 годы (Утверждено Постановление главы администрации края от 29.12.98 № 489). С. 12.
- ¹⁸ Пимин А. На реку вышли опера – их расстреляли катера.// Газ. Тихоокеанская звезда, Хабаровск. 20 октября 2000 г. Цит. по : <http://www.toz.khv.ru>
- ¹⁹ Пимин А. У черной икры красная крыша.//газ. Тихоокеанская Звезда. Хабаровск, 5 июня 2001. Цит. по : <http://www.toz.khv.ru>
- ²⁰ Хорошилов А. Рыбоохрана на Амуре показывает зубы только в улыбке.// Парламентская газета. № 1113. Цит. по: <http://www.pnp.ru/archive>
- ²¹ ПМА, Хабаровский край, Ульчский район, с. Богородское, 2001.
- ²² Это было и раньше, остаётся актуальным и по сегодняшний день, только само представление о благополучии со временем трансформировалось.
- ²³ ПМА, Хабаровский край, Ульчский район, с. Монгол, 2000.
- ²⁴ ПМА, Хабаровский край, Ульчский район, с. Булава, 2000.
- ²⁵ ПМА, Хабаровский край, Амурский район, с. Ачан, 2000.
- ²⁶ Смоляк А.В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. Середина XIX-начало XX в. М. 1975 С. 161.
- ²⁷ Сухомиров Г.И. Охотничье хозяйство Дальнего Востока. Хабаровск, 1976. С. 25.
- ²⁸ Смоляк А.В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. Середина XIX-начало XX в. М. 1975 С. С. 174.
- ²⁹ Сухомиров Г.И. Охотничье хозяйство Дальнего Востока. Хабаровск, 1976. С. 59.
- ³⁰ Туземное хозяйство низовьев Амура ... С. 98.
- ³¹ Газ. «Амурский маяк», 19.09.1998.
- ³² ПМА, Хабаровский край, Ульчский район, с. Булава, 2000.
- ³³ ПМА, Хабаровский край, Ульчский район, с. Кольчом, 2000.
- ³⁴ ПМА, Хабаровский край, Ульчский район, с. Кольчом, 2000.
- ³⁵ Рагулина М.В. Коренные этносы Сибирской тайги: мотивация и структура природопользования (на примере тофаларов и эвенков Иркутской области). Новосибирск, 2000. С. 121.
- ³⁶ ПМА, Хабаровский край, Ульчский район, с. Дуди, 2001.